

Как бы ни бурлили в головах великие замыслы, жизнь в уезде Шаоюань постепенно замедлила свой ход.

В управе наконец вздохнули с облегчением. Чиновники и стражники с благоговейным трепетом наблюдали, как господин уездный судья с головой ушел в кулинарные изыскания из местных продуктов, лишь изредка отвлекаясь на каллиграфию да просмотр казенных бумаг.

Впрочем, загляни кто-нибудь в исписанные бисерным почерком черновики на его столе, этот вздох облегчения тут же застрял бы у него в горле: на листах теснились бесконечные схемы, чертежи и планы будущих преобразований.

К счастью для подчиненных, Цзян Умянь теперь лишь направлял общие дела, не обрушивая на головы служащих новые непосильные задачи.

Он то навещал мастерские проверить работу, то самолично измерял уровень осадков, чтобы уберечь уезд от наводнений, сводил приход с расходом в казне, улаживал деревенские распри и инспектировал местное училище.

Последнему делу он уделял особое внимание.

Первые пару месяцев в уездном училище царил сущий хаос. Ни новоиспеченные ученики, ни те, кто всю готовился к государственным экзаменам, никак не могли привыкнуть к новому расписанию.

И ладно бы утренняя разминка натошак — наставники строго твердили, что экзамены в области длятся по несколько дней кряду без перерыва. Писать работы придется в тесных кабинках, где и повернуться-то толком нельзя; тут без крепкого здоровья просто не сдюжить.

Но вот другие предметы, хоть и прикрывались благородным названием «шести искусств», по сути своей оказались совершенно иными, да и время каждого урока теперь строго ограничивалось.

Сами наставники поначалу читали лекции словно сквозь зубы, сдерживая глухой гнев. Два месяца уроки шли со скрипом, и лишь совсем недавно все наконец пошло на лад.

Цзян Умянь неторопливо шел по двору училища бок о бок с директором Сюй Чэном. Сегодня ученики сдавали промежуточный зачет, поэтому в коридорах стояла непривычная тишина — нигде не раздавался привычный монотонный гул заучиваемых наизусть трактатов.

Мужчины остановились у окна. По ту сторону рамы, залитые косыми лучами солнца, за столами чинно сидели юноши. Они в растерянности чесали затылки над экзаменационными листами, безмолвно умоляя небо, чтобы ответы сами собой проступили на чистой бумаге.

От былой лени и апатии директора Сюй Чэна не осталось и следа. Его лицо расплылось в довольной улыбке, глаза сияли — казалось, старик прямо посреди дороги нашел слиток чистейшего золота.

Да и что золото! Настоящее сокровище господин уездный судья преподнес Государственной школе лично: он доставил новые учебные пособия.

Свернув к книгохранилищу, где стражники уже заканчивали разгружать повозки, Цзян Умянь и Сюй Чэн зашли внутрь.

Забыв о приличиях и церемониях, директор бросился вперед. На полках ровными стопками лежали новенькие тома. На их обложках красовались названия: «Сборник стихов Вэнь Шисина», «Комментарии к „Мэн-цзы“», «Великое учение».

Он бережно касался корешков, его руки мелко дрожали от волнения, а голос то и дело срывался:

— Это... неужели все для нашей школы? Господин судья, неужели...

Книги эти были напечатаны на пробу со старых деревянных матриц. В таких изданиях толкованиям канонов доверять особо не стоило, зато сами первоисточники и поэтические сборники были воспроизведены без искажений.

Основная партия учебной литературы, спешно выписанная из просвещенного Цзяннаня, все еще находилась в пути. Столичные дворцовые испытания завершились совсем недавно, и сборники экзаменационных тем вместе с заданиями прошлых лет везли в область Линнань медленными речными караванами.

Впрочем, Цзян Умянь уже списался со своими наставниками и соучениками. Один из его старших братьев, обосновавшийся в области Цзяннань, обещал лично проследить за отправкой документов. Другой же соученик, ушедший в море из префектуры Сунцзян, пока не вернулся, так что вестей от него не ждали.

Цзян Умянь со смешком кашлянул, возвращая растерявшегося директора к реальности:

— Это лишь для дополнительного чтения. Как только придут экзаменационные листы этого года, мы отпечатаем полноценные учебники.

С трудом отведя взгляд от лоснящихся свежей тушью страниц, Сюй Чэн глубоко поклонился уездному судье:

— Сюй Чэн от лица всех учеников Шаоюаня благодарит вас, господин судья, за ваше великое покровительство!

До приезда Цзян Умяня Сюй Чэн успел сменить трех начальников уезда.

Поначалу он радел за государственную школу всем сердцем: то и дело докучал инспектору образования и уездным властям прошениями о нехватке книг и убожестве классов.

Но если ведомство образования еще хоть как-то пыталось помочь, то здешние чиновники лишь ставили палки в колеса.

Им не было дела ни до ветхих свитков, ни до пробелов в подготовке выпускников. Каждого нового судью заботило лишь одно: как бы Государственная школа не посягнула на его личный кошелек.

Со временем его былой пыл угас, отсырел и заплесневел, словно холст под густыми и влажными туманами Хуйнаня.

Все изменилось с приездом Цзян Умяня.

Тот не разбрасывался красивыми обещаниями и не искал легких утех, в отличие от прежних сибаритов на этой должности.

Судья Цзян сразу взялся за дело: приветил и расселил беженцев, усовершенствовал плуг для заливных полей, открыл мануфактуры и обеспечил людей честным заработком. Он действительно радел о нуждах простого люда — редкое, невиданное для этих мест качество.

Поначалу Сюй Чэн лишь диву давался решимости и смелости нового чиновника, но теперь его сердце наполнилось глубоким почтением и искренней признательностью.

Подобрав подол просторного халата, старик опустился на колени, готовый совершить великий поклон:

— Забота ваша о юных умах уезда столь безгранична, что воистину благословляет эти земли. Примите же нижайший поклон от всех нас!

Цзян Умянь среагировал мгновенно. Перехватив директора под локти, он не дал ему коснуться лбом холодного пола:

— Полно вам, директор Сюй! Оставьте церемонии.

Тот даже ахнуть не успел — колени едва коснулись пола, как крепкие пальцы судьи железной хваткой удержали его на весу.

Старику ничего не оставалось, кроме как подчиниться и подняться на ноги.

— Вы заслужили этот поклон, господин уездный судья, — упрямо покачал он головой.

Перед его мысленным взором пронеслись годы собственной бурной юности, когда среди военных невзгод и смут он по крохам собирал знания. Учителя приходилось искать за сотни ли, а книги ценились дороже нефрита. Порой даже великие ученые мужи были вынуждены униженно выпрашивать редкие списки у богатых соседей — за золото тогда хорошую книгу было не сыскать.

Многие труды сгнули в пожарах, от канонов оставались лишь жалкие разрозненные листы. Путь к знаниям был тернист и горек.

Цзян Умянь же проявил поистине царское великодушие. Подарить школе издания, стоившие круглую сумму, без капли сожаления — такой благородный жест навсегда изменит судьбу Шаоюаня!

Цзян Умянь лишь молча улыбнулся, не подозревая, какие бури бушуют в душе его собеседника. Для него самого этот поступок был сугубо прагматичным расчетом.

Разумеется, вложить свободные средства, бросить спасительную веревку юным неокрепшим умам — разве это не лучшая сделка? Если из сотни этих мальчишек вырастет хотя бы один выдающийся чиновник или ученый, затраты окупятся сторицей.

Да даже если они и не сдадут столичных экзаменов, то все равно станут крепкой опорой для уезда, грамотными помощниками в его начинаниях. А для него самого процветание Шаоюаня обернется безупречными отчетами перед троном и гарантированным повышением по службе. В этой игре проигравших не было.

Окончательно покоренный мудростью правителя, директор Сюй почтительно спросил:

— Какие будут указания касательно дальнейшего устройства государственной школы, господин судья?

Цзян Умянь легонько похлопал по лежавшему рядом плотному свертку:

— Я до сих пор не поблагодарил вас за помощь с распространением нашей бумаги. Это новая партия из мастерской, возьмите на пробу.

Сюй Чэн покосился на сверток, и глаза его алчно блеснули. Второго приглашения не потребовалось — он тут же бережно принял подарок.

Четыре сокровища кабинета стоили недешево, и даже директору государственной школы никто не делал скидок при покупке писчих принадлежностей. Подарок судьи Цзяна пришлось как нельзя более кстати.

Обсудив еще несколько мелких хозяйственных вопросов, Цзян Умянь покинул территорию училища. Возвращаясь в управу, он заметил в одном из переулков артель строителей, копавших сточные канавы, и свернул разузнать, как продвигаются дела.

Работы по прокладке канализации в Шаоюане велись строго поквартально. Начали прямо от ворот управы, постепенно углубляясь в жилые кварталы.

Строители вскрывали мостовую перед воротами домов ровно на четверть ширины улицы и уходили вглубь футов на двенадцать, а то и на все пятнадцать. Именно из-за этой колоссальной глубины дело продвигалось со скрипом.

Дно и стены траншеи укрепляли слоями из кирпича, дикого камня и цемента, затем укладывали толстые глиняные трубы, тщательно замазывая стыки. Поверх этой конструкции снова насыпали землю, утрамбовывали ее и заливали гладким слоем цементного раствора.

Мастера работали слаженно и споро. Закончив очередной отрезок, они оставляли цемент сохнуть и немедленно перебирались на соседнюю улицу.

Там раствор уже окончательно схватился. Рабочие осторожно спускали на веревках новые трубы, выравнивали их по уровню, герметизировали швы и аккуратно заливали сверху свежим раствором.

Все шло своим чередом, без суеты и лишних споров.

Удовлетворенно кивнув, Цзян Умянь заметил про себя сметливого десятника и зашагал обратно к управе.

Прокладка труб то и дело прерывалась из-за затяжных дождей. Сырость Шаоюаня не давала цементу просохнуть вовремя, затягивая все сроки, так что, когда пришла пора кушения риса, работы на улицах города все еще не завершились.

Впрочем, мысли судьи к тому времени занимали совсем иные заботы — на первый план вышли всходы молодого риса и заготовка удобрений.

Начало кушения — период деликатный и крайне важный для будущего урожая. Воду на полях сейчас следовало держать совсем мелкой, буквально на глубину фаланги пальца, чтобы солнце успевало прогреть и воду, и саму почву.

Только так питательные вещества высвобождались в полной мере, давая молодым побегам

силы для быстрого роста. Это обеспечивало обильное кущение и закладывало основу для полновесных, тяжелых колосьев.

Но подкармливать землю следовало осторожно: переборщишь с удобрениями — погубишь, сожжешь нежные корни. К тому же именно сейчас на молодые побеги набрасывались вредители, и нужно было вовремя предотвратить напасть.

В будущем люди станут обрабатывать поля химикатами, но сейчас у Цзян Умяня не было даже простейших травяных настоев от прожорливой саранчи и гусениц. Все держалось исключительно на крестьянских руках — изо дня в день приходилось вручную обирать каждый стебелек.

Рассудив так, судья созвал спешный совет по вопросам ухода за посевами.

В зал заседаний согнали буквально каждого, кто еще дышал в управе, а в первую очередь — стражников и посыльных, которым предстояло отправиться по деревням проверять всходы.

— Рис вот-вот пойдет в рост. Самое время вносить подкормку, — кратко резюмировал Цзян Умянь.

Некоторые стражники при этих словах уставились на него с такой глухой тоской и непониманием, словно он заговорил на варварском наречии.

Цзян Умянь промолчал, лишь устало прикрыл глаза.

Конечно, тренировки у ополченцев были изнурительными, но не до такой же степени, чтобы напрочь отшибло память!

Ведь когда они устраивали компостные ямы, он лично, не жалея горла, объяснял разницу между видами удобрений, рассказывал, какое и когда вносить под корень, а с чем обождать.

И вот прошло всего ничего, а в их головах уже гулял чистый ветер.

Цзян Умянь выразительно посмотрел на советника Линя.

Тот намек понял сразу. Выступив вперед, советник Линь принялся объяснять все на пальцах, используя самые простые слова и образы, понятные каждому.

Когда по рядам стражников пронеслись понимающие кивки, Цзян Умянь заговорил вновь:

— Ваша главная задача — обойти крестьянские наделы. Проверьте, как кустится рис, хватает

ли воды на заливных полях и вносят ли удобрения. Старшим назначаю Чэнь Пина. О любых трудностях докладывать незамедлительно.

Чэнь Пин почтительно склонил голову. Стоило судье распустить собрание, как вся эта орава шумно ринулась к дверям налоговой палаты — видимо, сверять казенные списки деревень. Цзян Умянь лишь молча покачал головой.

В Шаюане производство компоста шло уже без малого год. Более того, провинившихся стражников то и дело отправляли на навозные кучи в качестве наказания, но даже после этого некоторые ухитрялись путать виды удобрений.

Вздохнув, он направился в соседнюю усадьбу — разыскать советника Чжао.

С тех пор как уездный судья отложил чертежи нового педального шелкомотального станка, в обители даоса Цзинь Бухуаня прочно обосновался советник Чжао.

Даос больше не просыпался от визга пилы и стука топоров под окном, зато теперь, стоило ему выйти во внутренний дворик, перед глазами представал Чжао Чэн. Советник, точно одержимый злым духом, целыми днями кружил вокруг недостроенного станка.

Цзинь Бухуань лишь беззвучно вздыхал. Каков наставник, таков и ученик — безумие Цзян Умяня передавалось его подчиненным без остатка.

Нахмутив лоб, Чжао Чэн сидел перед грудой деревянных шестеренок и рычагов от наполовину разобранного станка. Детали лежали аккуратными кучками, но разобраться в этом хаосе непосвященному было невозможно.

Поманив пальцем своего юного слугу Сяочэня, даос велел принести упрямому советнику студеной воды, чтобы тот окончательно не сварился под палящим полуденным солнцем.

— Сколько лоб ни морщи, а голыми мыслями делу не поможешь. Собери заново да погляди, где стопорится!

Эту злосчастную деревянную машину то собирали, то со скрежетом и стуком разбирали до основания вот уже вторую неделю подряд.

С благодарностью кивнув, Чжао Чэн осушил чашу и не спеша проговорил:

— Водяной ткацкий станок хорош, да только привязан к реке. Зимой поток мелеет, весной — бурлит. Из-за капризов природы мануфактура никогда не даст ровного, предсказуемого утка.

Использовать силу течения заманчиво, но нынешние ручные станки куда надежнее, хоть и

работают в разы медленнее водяного колеса.

Чертежи же господина судьи призваны примирить скорость и надежность, сделать производство независимым от капризов погоды и течения реки.

Даос поскреб затылок, и на его лице отразилось внезапное понимание:

— А, так это как с алхимическим горном! Нам нужно поймать ровное дыхание пламени, а тебе — укротить речной бег. С огнем-то проще: разгорелся лишку — откинь угли, угасает — подбрось дровишек.

Но как утихомирить и сделать послушной своенравную речную воду?

<http://bllate.org/book/19045/2005029>